
ЮРИЙ ЕМЕЛЬЯНОВ

ИМПЕРИЯ ЛЖИ

Америка в борьбе с остальным миром

“Неужели я представляю для вас угрозу?” Этот вопрос задала школьная преподавательница из города Балтимор в ходе дискуссии, которую мы, члены советской делегации, вели с американцами в апреле 1982 года. Действительно, трудно было представить, что худенькая, невысокая молодая особа в очках, которая гостеприимно принимала нас в своем небольшом домике и с восторгом говорила о популярном в ту пору в США фильме “Москва слезам не верит”, представляла собой угрозу для ее гостей – крепких мужчин и не менее крепких женщин, а уж тем более для могучего Союза Советских Социалистических Республик. Очевидно, что наша американская собеседница старалась доказать абсурдность самой мысли о том, что США могут угрожать кому бы то ни было.

С тех пор прошло много лет, и теперь нетрудно найти и в нашей стране немало людей, которые категорически не приемлют заявлений об агрессивности США. Некоторые из них говорят: “США – оплот демократии и прав человека и они угрожают лишь странам, которые сами представляют угрозу для человечества”. “США создали свое богатство мирным созидательным трудом и им нет нужды завладевать чьим-либо добром”, – говорят другие. “Возможно, что порой американское правительство вело несправедливые войны, но разве достижения США в самых различных областях не перевешивают эти отдельные ошибки?” – спрашивают третьи.

В то же время для многих американцев в последние годы стало ясно, что США представляют собой угрозу остальному человечеству. В конце своей книги “Почему нас ненавидят? Вечная война ради вечного мира” американскому писателю Гору Видалу потребовалось десять с лишним страниц убористого текста, чтобы поместить перечень войн, вооруженных экспедиций и тайных операций против других стран, предпринятых Соединенными Штатами лишь за последние полвека. Но если бы Видал попытался составить список войн и иных вооруженных действий, осуществленных его соотечественниками против различных народов мира с 1776 года, то он занял бы значительную часть его небольшой книги.

И все же, признавая агрессивность своего государства, Гор Видал, как и многие американцы, считает, что она возникла лишь в середине XX века. Он исходит из того, что в течение долгих лет американцы были народом мирных фермеров и ремесленников, старателей и охотников, в течение нескольких веков осваивавшим природу девственного континента. Именно так изображал своих соотечественников Уолт Уитмэн в своем стихотворении “Пионеры! О, пионеры”. Восхищаясь теми, кто презрел тихую жизнь на Востоке страны и двинулся на Запад, поэт писал:

*Ты, западная молодежь,
Ты неустанная, горячая, полная гордости и дружбы.
Ясно вижу я тебя, ты идешь с передовыми,
Пионеры! О, пионеры!..*

В то же время поэт описывал движение “пионеров” на Запад как марш вооруженной до зубов армии:

*Друзья мои загорелые,
Стройно, шагом, друг за другом, приготовьте ваши ружья,
С вами ли ваши пистолеты и острые топоры?
Пионеры! О, пионеры!
Дольше мешкать нельзя,
Нам идти в поход, мои любимые, туда, где бой всего опасней.
Мы молодые, мускулистые, и весь мир без нас погибнет,
Пионеры! О, пионеры!..
...Мы бросаемся отрядами
По перевалам и над кручами, по дорогам неизведанным,
Напролом, в атаку, грудью завоевать и сокрушить.
Пионеры! О, пионеры!..
...С нами знамя, наше знамя,
Поднимите наше знамя, многозвездную владычицу.
Все склонитесь перед нею,
Боевая наша мать, грозная, во всеоружии,
Ее ничто не сокрушит,
Пионеры, о, пионеры!..
Все смети, снести с пути!
О, любимые, о, милые! Грудь от нежности болит!
Я радуюсь и плачу, от любви я обезумел,
Пионеры, о, пионеры!*

Восторгаясь “до безумия” теми, кто шел в поход на Запад, Уолт Уитмэн не говорил, кого собирались “смести, снести с пути”, против кого были направлены “ружья”, “пистолеты”, на кого шли в атаку любимые им “пионеры”. Совершенно очевидно, что даже на медведей гризли не ходили в атаку “стройно, шагом, друг за другом”. Прославленные Уитмэном, а также многими поколениями американцев пионеры вели беспощадные сражения против народов, веками живших в Америке, “снося и сметая” их со своего пути.

Закрывая глаза на уничтожение коренных народов Американского континента и противопоставляя в своей книге “Демократия в Америке” Соединенные Штаты России, французский писатель Алексис де Токвиль писал в 1835 году: “Американец борется против естественных препятствий, стоящих у него на пути; противниками русского являются люди; первый сражается с дикостью и дикарями; второй – с цивилизацией, применяя для этого все виды оружия и искусства: поэтому первый достигает успеха с помощью плуга; второй – с помощью меча”.

Не вдаваясь в разбор огульных, а потому несправедливых обвинений Токвиля в адрес России, следует заметить, что вместе с плугом, распахивающим земли индейцев, американские колонисты применяли против них и “меч”, а точнее огнестрельное оружие.

Почему же этого не замечали современники и историки? Не потому ли, что американцы непревзойдённые мастера выдумывать “безупречные” предлоги для нападения на другие народы? Как правило, американцы уверяли, что они “упреждают” угрозу. На индейцев нападали, потому что у них обнаруживали воинственные намерения. В 1812 году американцы обнаружили такие же воинственные намерения у англичан, а затем пересекли границу британских владений с целью завладеть Канадой. Однако эта война в Соединённых Штатах стала именоваться “второй войной за независимость”.

За две сотни лет до развёртывания международной кампании против терроризма американцы совершали вооруженные экспедиции в другие страны под предлогом “борьбы с пиратами”. Так, летом 1817 года остров Амелия, принадлежавший Испании и расположенный между штатами Джорджией и Флоридой, был освобожден от испанского господства национально-освобо-

дательными силами, во главе которых стоял шотландский генерал Г. Макгрегор. В сентябре 1817 года генерал был заменен венесуэльским военно-морским офицером Л. Ори. 1 июля генерал Г. Макгрегор выразил уверенность в скором освобождении “всей Флориды от тирании и угнетения”. Вскоре Ори объявил, что Флорида является частью Мексики, где с 1810 года была провозглашена республика и шла упорная война против испанских колониальных войск.

Однако президент США Монро не хотел иметь общей границы с новой революционной страной, возглавлявшейся венесуэльским революционером, а желал сам завладеть этим островом, а затем и Флоридой. Президент объявил, что “остров Амелия оказался в руках пиратов”. Он отдал приказ направить войска для разгрома “пиратской” базы на острове. После недолгого сопротивления остров Амелия был захвачен американскими войсками.

Тем временем англичане стали вести переговоры с Испанией о передаче им Кубы. Тогда под предлогом “борьбы с пиратами” на Кубу начали высаживаться американские военно-морские десанты. Одновременно под этим предлогом американские военные суда появлялись с 1814 года в водах островов Пуэрто-Рико, Санто-Доминго, а также полуострова Юкатан, то есть в испанских владениях.

3 марта 1819 года конгресс США принял “Акт о защите торговли Соединенных Штатов и наказании за пиратские действия”, который разрешал президенту посылать военные суда для борьбы с пиратством. 20 декабря 1822 года был принят закон, разрешавший использовать дополнительные военно-морские силы для “эффективной защиты граждан и торговли Соединенных Штатов”. Этот закон открывал возможность совершать вооруженные экспедиции, а затем и захваты земель в любой части земного шара.

Но еще до его принятия в 1805 году была предпринята вооруженная экспедиция американского военного флота “в защиту американской торговли” в Северной Африке. Победа в этой кампании, получившей название “Первая Берберийская война”, была воспета в гимне американской морской пехоты “К берегам Триполи”. Первый памятник героям войн, сооруженный в США, был посвящен тем, кто сражался в “Берберийской войне”. Американцы показали, что они могут успешно вести военные операции далеко за пределами Америки. То обстоятельство, что они разбили корабли слабенького флота одного из вассалов Османской империи, старались не вспоминать. Вскоре состоялась “Вторая Берберийская война”, в которой американцы опять разбили корабли вассалов Ближневосточной Порты.

Стычки с арабскими пашами были лишь первыми американскими вылазками за пределы Западного полушария. В октябре и ноябре 1827 года американские суда сражались “против пиратов” на островах у берегов Греции. В феврале 1832 года высадили десант на Суматре. Утверждалось, что целью операции был штурм города Квалла Бату, чтобы “наказать туземцев за разграбление американского судна “Френдшип”.

Предлогами для вооруженных экспедиций США у берегов Западной Африки 1820–1823 гг., а затем в 1843 году стали заявления о борьбе с работорговлей. На самом деле появление американских военных судов в этом регионе было связано с усилиями США по созданию на западном побережье Африки поселений из бывших рабов. При поощрении американского правительства некоторые освобожденные от рабства американские негры с 1821 года основали свою колонию на побережье Гвинейского залива, столица которой получила название Монровия в честь президента США Монро. Созданная в 1847 году на основе этой колонии республика Либерия с самого начала зависела от США и использовалась ими как база для проникновения на Африканский континент.

Стандартными предлогами для высадки сотен американских десантов в страны Латинской Америки, Дальнего Востока и островов Тихого океана стали декларации о необходимости “защитить жизнь американцев и их собственность”.

Однако когда Соединенным Штатам было выгодно, их правительство закрывало глаза на вопиющие “нарушения интересов” своей страны и мирилось с гибелью американцев. Так было в ходе Первой мировой войны, когда германские подводные лодки не раз топили американские суда с грузами, направлявшимися в Европу. Как отмечал американский историк У. Фостер,

“политика “нейтралитета” полностью удовлетворяла отечественных предпринимателей. Их соперники истребляли друг друга тем оружием, которое им продавали капиталисты Соединенных Штатов, получавшие от этого баснословные прибыли”. Правда, уничтожение германскими подводными лодками 7 мая 1915 года возле берегов Ирландии пассажирского судна “Лузитания”, в результате чего погибло 1198 человек, из них – 128 американцев, вызвало всеобщее возмущение в США. Президент Вильсон направил в Берлин резкий протест, но вскоре заявил, что “Америка слишком горда, чтобы воевать”.

Однако через два года Вильсон уже не был столь “гордым”. Так как в это время США стали опасаться победы Германии, то было решено начать против нее войну. Для объявления войны воспользовались сомнительным сообщением о том, что Германия собирается напасть на США через Мексику. Кстати вспомнили и об американских судах, потопленных немцами.

Иногда предлог для нападения мучительно выискивался, в то время как объект агрессии был давно определен. Так было в 40-х годах XIX в., когда правительство США вознамерилось захватить значительную часть Мексики. Как указывали Морисон и Коммаджер, президент США Полк хотел захватить не только Техас. “Его глаза были устремлены к Тихому океану, и лишь Верхняя Калифорния могла удовлетворить его аппетит к экспансии”.

23 марта 1846 года американские войска под командованием генерала Тейлора заняли позиции по левому берегу Рио-Гранде и направили свои пушки на мексиканский город Матаморас по ту сторону реки. Мексиканцы предложили переговоры. Однако Полк отверг предложение Мексики “как неискреннее и предательское” и 25 апреля начал готовить послание конгрессу, в котором призывал объявить войну на том основании, что Мексика отказывалась заплатить долг в 3 208 314 долларов и 96 центов. Однако некоторые члены кабинета считали, что “войну не следует объявлять, пока Мексика не совершит какой-то явный враждебный акт”. Государственный секретарь Бьюкенен заявил, что его бы это также удовлетворило, но уже сейчас есть достаточные причины для объявления войны Мексике. 9 мая кабинет завершил заседание в 2 часа дня, а через 4 часа в Белый дом прибыла депеша от генерала Тейлора. В ней сообщалось, что 25 апреля мексиканский отряд пересек Рио-Гранде и в ходе стычки с американскими драгунами убил несколько из них, а остальных взял в плен.

11 мая 1846 года послание Полка было представлено конгрессу. В нем говорилось: “Чаша терпения истощилась... После повторявшихся угроз Мексика пересекла границу Соединенных Штатов, вторглась на нашу территорию и пролила американскую кровь на американской земле”. Будучи в это время членом палаты представителей, Авраам Линкольн не раз вносил проекты резолюций, в которых требовал, чтобы указали точное место, где была пролита кровь “на американской земле”. Ни Аврааму Линкольну, ни кому другому это место никогда не было показано. Через два дня конгресс объявил, что “своими действиями Республика Мексика вызвала войну с Соединенными Штатами”.

Началу испано-американской войны 1898 года предшествовали провокация и кампания лживых обвинений. Стоявший на рейде гаванского порта американский крейсер “Мэн” был взорван в феврале 1898 года. Находившиеся на его борту 268 человек погибли. Испания предлагала провести тщательное расследование обстоятельств данного взрыва. Но газеты, принадлежавшие медиа-магнату Р. Херсту, развернули истеричную кампанию, уверяя, будто и без расследования ясно, что взрыв осуществлен “коварными испанцами”. Одновременно на страницах “желтой прессы” стали расписывать “зверства”, творимые испанцами на Кубе. Американских читателей убеждали в том, что США должны вступить за мирный народ и наказать жестоких колонизаторов. Фоторепортер одной из газет Херста прибыл на Кубу с заданием описать “ужасы, творимые испанцами”, и с удивлением сообщил Херсту, что на острове всё спокойно. На что получил краткий ответ: “Ваше дело – обеспечить картинку. Мое дело – обеспечить войну”.

11 апреля конгресс США предоставил полномочия президенту США Уильяму Маккинли, чтобы тот направил американские войска на Кубу для прекращения там военных действий. 19 апреля обе палаты конгресса приняли совместную резолюцию, в которой Куба была объявлена “свободной и независимой”. Резолюция потребовала, чтобы Испания покинула Кубу, а президент

получал полномочия для ввода необходимого количества войск на остров, чтобы “помочь кубинским патриотам вырвать свободу у Испании”. В этой обстановке США направили в Мадрид 20 апреля 1898 года грубый ультиматум, в котором Испании предлагалось уйти из Кубы. Хотя Испания была готова пойти на переговоры, США начали военные действия на следующий день – 21 апреля, одновременно установив блокаду Кубы.

А вскоре Куба, “свободы” и “независимости” которой требовали США, была ими надолго оккупирована. Но и после вывода американских войск остров управлялся американскими ставленниками.

После начала “холодной войны” правящие круги США убеждали население своей страны в том, что оно находится под угрозой советского нападения. Пропаганда запугивания нужна была для оправдания не только агрессивных действий против различных стран мира (например, о “советской угрозе” много говорили, чтобы оправдать интервенцию против Гватемалы в 1954 году, агрессию против Кубы в 1961 г., подрывные действия против Чили в 1970–73 гг.), но и для постоянно нарастающей гонки вооружений.

Прекрасно понимая лживость этой пропаганды, американский экономист Гэлбрайт писал: “Фантазия и создание образов играет важную роль в отношении между индустриальной системой и государством”. Между тем, замечал экономист, “образы, созданные государством, воспринимаются очень серьезно. Если создан образ страны, отстающей в техническом отношении в мире, где от этого зависит успех страны, это обеспечит капиталовложения в научные исследования и технологическое развитие. Если создан образ нации, осажденной врагами, ответом будут капиталовложения в вооружения”.

Американский историк Д. Йерджин утверждал, что взятая на вооружение в США “доктрина национальной безопасности” “постулирует взаимодействие столь многих различных политических, экономических и военных факторов, что развитие событий на противоположной стороне земного шара рассматривается как имеющее автоматическое и прямое воздействие на американские коренные интересы. Фактически любые изменения в мире воспринимаются как потенциально критические. Неблагоприятный ход событий где-либо создает опасность Соединенным Штатам... Таким образом, желаемые внешнеполитические цели трансформируются в вопросы национального выживания, и спектр угроз становится неограниченным. Доктрина характеризуется экспансивностью, тенденцией продвигать субъективные границы безопасности вовне и на все новые и новые районы, охватывать все больше и больше географических пространств и проблем. Она требует, чтобы страна заняла позицию военной подготовленности; нация должна быть в состоянии постоянной тревоги”.

По этой причине события даже в такой отдаленном от США регионе мира, как Индокитай, расценивались как потенциально угрожающие национальным интересам этой страны. 7 апреля 1954 года президент США Дуайт Эйзенхауэр сравнил страны Юго-Восточной Азии со стоящими вертикально костяшками домино. Президент заявлял: “Вы имеете ряд поставленных домино и выбиваете первое из них... Если коммунисты захватят Индокитай, то следующими могут рухнуть Бирма, Таиланд, Малайя и Индонезия. Падающие домино способны также опрокинуться на островную оборонительную цепь Америки, состоящую из Японии, Формозы (Тайваня), Филиппин и дальше на юг, угрожая Австралии и Новой Зеландии”. Эйзенхауэр особо остановился на том, что последствием этого станет “не только потеря незаменимых источников сырья, но и распространение коммунистической гегемонии на дополнительные десятки миллионов людей”. Так впервые была сформулирована “теория домино”, к которой потом не раз прибегали правящие круги США для оправдания своей агрессивной политики.

Вспоминая начало 60-х годов, Д. Гэлбрайт с иронией писал, что тогда “нам “угрожал” Лаос. Наиболее податливых журналистов натаскивали на еженедельных, иногда ежедневных, совещаниях по вопросу о стратегической угрозе движения Патет-Лао в Долине Кувшинов... Профессор Артур Шлезингер, отнюдь не коммунист, высказал мысль, что едва ли стоит относиться к Лаосу как к клинку, приставленному к сердцу Канзаса. Это заявление было расценено как крамола”. Затем теорию домино использовали в связи с событиями на Кубе в 50–60-х годах и Никарагуа в 80-х годах.

Исходя из “теории домино”, США готовили нападения на те страны, которые якобы могут вызвать неконтролируемую реакцию распада. При этом

подготовка агрессивного нападения США на другие страны начиналась задолго до того, как Вашингтон оповещал о “вопиющей угрозе” его интересам. Так, до начала полномасштабной войны в апреле 1964 года Объединенный комитет начальников штабов США утвердил список 94 целей бомбардировки на территории Демократической Республики Вьетнам (ДРВ). В июле американский ставленник – президент Южного Вьетнама Нгуен Кхань развернул пропагандистскую кампанию под лозунгом “Поход на Север”. Планы нападения на ДРВ были детализированы в июле на заседании штаба Тихоокеанского командования США. Их осуществление должно было начаться после принятия конгрессом США совместной резолюции обеих палат, осуждающей “агрессию Северного Вьетнама”, текст которой был написан советником президента США Л. Б. Джонсона Макджорджем Банди еще в мае.

Нужен был лишь удобный предлог. 30 июля южновьетнамское военноморское подразделение, находившееся под командованием американского генерала Уэстерморленда, выполняя “оперативный план 34А”, совершило налет на два острова (Хон Ме и Хон Ниеу) в Тонкинском заливе, принадлежащих ДРВ. Против этих южновьетнамских судов были направлены торпедоносцы ДРВ. В это время в Тонкинском заливе находился американский эсминец “Мэддокс”, выполнявший разведывательное задание вблизи берегов ДРВ. Позже утверждалось, что три торпедоносца 2 августа начали преследование эсминца, приняв его за судно, совершившее нападение на два острова. В ответ с находившегося вблизи американского авианосца “Тиконгерога” были направлены самолеты, обстрелявшие северо-вьетнамские торпедоносцы. Два северо-вьетнамских судна были повреждены, а третье – потоплено.

3 августа по приказу Джонсона эсминцу “Мэддоксу” был придан эсминец “Тернер Джой”. Оба судна были опять направлены в Тонкинский залив. Одновременно было отдано распоряжение направить авианосец “Констеллейшн” для поддержки авианосца “Тиконгерога”.

Затем были предприняты еще две диверсии в соответствии с “оперативным планом 34А”. Два боевых катера с южновьетнамскими командами в ночь на 3 августа обстреляли устье реки Рхон и радиолокационную установку в Винхоне на территории ДРВ. Позже американцы утверждали, будто им удалось перехватить радиосообщения о том, что торпедоносцы ДРВ решили обстрелять “Мэддокс”.

Вскоре пришло сообщение о том, что “Мэддокс” был обстрелян. Однако, как отмечалось американскими историками, “обстоятельства нападения были туманными”. Позже Линдон Джонсон говорил заместителю государственного секретаря США Джорджу Боллу, что, “возможно, вьетнамские моряки охотились на летающих рыб”. Вскоре было перехвачено северо-вьетнамское сообщение о том, что американцы потопили два торпедоносца ДРВ.

Тотчас же был создан Объединенный комитет начальников штабов, который выбрал цели для ударов. Самолетам с авианосцев “Тиконгерога” и “Констеллейшн” был отдан приказ разбомбить базы торпедоносцев в Хонгае, Локхау, Фуклои и Кванкхе, а также склад горючего в Вине, где находилось 10% всего нефтяного запаса ДРВ. Тем временем Джонсон принял руководителей конгресса и сообщил им о нападении на эсминец “Мэддокс”. Как отмечалось в “Бумагах Пентагона”, “не было никаких свидетельств того, что Джонсон проинформировал руководителей конгресса об ответственности США за налеты 30 июля и 3 августа, совершенные в соответствии с оперативным планом 34А”.

Еще до того, как самолеты с авианосцев начали бомбардировку ДРВ, Джонсон обратился по телевидению к стране с заявлением о “нападении” на американский эсминец и “ответных” авиаударах США. 7 августа конгресс одобрил так называемую “Тонкинскую резолюцию”, в основу которой был положен проект, разработанный Макджорджем Банди три месяца назад. Резолюция призывала президента страны “принять все необходимые меры, чтобы отразить любые вооруженные нападения на силы Соединенных Штатов и предотвратить дальнейшую агрессию”. Резолюция разрешала президенту “принять все необходимые шаги, включая применение вооруженных сил, чтобы помочь любому государству-члену СЕАТО, которое обратится с просьбой в деле защиты свободы”. В сенате за резолюцию проголосовало 88, против – 2; в палате представителей “за” – 416 и никто не голосовал против.

Порой предлог для провоцирования международного кризиса вокруг мнимой угрозы Соединенным Штатам выдвигается исключительно для того, что-

бы взвинтить гонку вооружений. Так было в сентябре 1970 года, когда 14 сентября американский разведывательный самолет У-2, совершив облет кубинского острова Кайя Алькатраз, получил фотоснимки. На них было видно, что на острове происходит сооружение двух казарменных помещений и административных зданий. Были также сооружены баскетбольная площадка и футбольное поле. Государственный секретарь США Генри Киссинджер вспоминал: “В моих глазах это неопровержимо свидетельствовало о русской базе, так как, будучи старым футбольным болельщиком, я знал, что кубинцы не играют в футбол”. На таком “веском основании” было решено, что СССР сооружает военно-морскую базу на Кубе.

Правда, Киссинджер в своих воспоминаниях признавал, что советские подводные лодки и так постоянно находились у берегов США. Заходили подводные лодки и к берегам Кубы. Однако очевидно, что в Вашингтоне сочли, что на сей раз строительные работы на небольшом кубинском островке можно использовать в качестве предлога для очередной антикубинской и антисоветской кампании. Собрав 19 сентября заседание Вашингтонской группы особого реагирования (ВГОР), Киссинджер напомнил собравшимся, что “реакция Кеннеди в 1962 году не была вызвана тем, что размещение советских ракет на Кубе было “незаконным”. На самом деле оно было “законным”. Дело было в том, что он счел, что это угрожает безопасности Соединенных Штатов”.

25 сентября, по словам Киссинджера, “разразился хаос. Утро началось со статьи С. Сульцбергера в “Нью-Йорк таймс”, озаглавленной “Гадкие тучи на Юге”. Статья предупреждала “о возможном появлении советской базы подводных лодок в Сьенфуэгосе”. Известно, что в это время в конгрессе происходило обсуждение бюджета. Требования об увеличении военного бюджета, выдвигавшиеся министерством обороны, могли быть не удовлетворены в то время, когда война в Индокитае была так непопулярна. А ведь речь шла о многомиллиардных военных заказах в интересах крупнейших военно-промышленных компаний США.

28 сентября выступлением члена палаты представителей Сикеса открылась новая истеричная антикубинская кампания. Сикес утверждал: “Господин спикер, только что раскрылся еще один кризис, который может быть столь же зловещим, как и тот, что был связан с русскими ракетами”.

Затем председатель комиссии палаты представителей по вооружениям М. Риверс заявил о том, что в доклад согласительной комиссии конгресса по бюджету был включен вопрос о необходимости дополнительных ассигнований в 435 миллионов долларов для военно-морского флота. Одновременно Риверс требовал принятия “энергичных мер” против Кубы: “Мы не можем жить рядом с новой советской угрозой у нашего порога. Мы не можем позволить, чтобы наши города стали заложниками Советского Союза. Мы должны принять все дипломатические и, если необходимо, военные шаги для того, чтобы вырезать эту раковую опухоль из тела Западного полушария”.

В поддержку Риверса выступили конгрессмены Холл, Ичрод, Роудс, Дорн, Дон Клаузен и многие другие. Одновременно вопрос о Сьенфуэгосе был поднят в сенате. Голдуотер заявил, что сведения о строительстве на Кубе свидетельствуют о “серьезной заявке русских на мировое господство”. Даже либеральный сенатор Майк Мэнсфильд заметил: “Я оцениваю это с тревогой”. Лишь сенатор Уильям Фулбрайт, выступая 27 сентября в телевизионной программе “Проблемы и ответы”, заявил: “Правительство Никсона обманывает американский народ, выступая с предупреждениями о строительстве базы для советских подводных лодок... Почти каждый год, когда у нас в конгрессе мы обсуждаем вопрос о военных ассигнованиях, мы получаем такие рассказы”.

После заседания сенатского подкомитета по межамериканским делам, на который были вызваны представители государственного департамента, министерства обороны и ЦРУ, его председатель сенатор Чёрч 1 октября заявил: “Данные, представленные подкомитету, были сомнительны и неубедительны”.

Тем временем завершился заключительный этап дискуссии в палате представителей. На нем были одобрены ассигнования на строительство военно-морского флота, на которых настаивал М. Риверс. А вскоре антикубинская кампания пошла на убыль.

11 октября, выступая в программе “Проблемы и ответы”, министр обороны США М. Лэйрд заявил, что у него нет оснований утверждать, что Советский Союз использует кубинскую базу. На пресс-конференции 12 октября

Лэйрд заявил: “У нас нет данных о том, что какая-либо советская подводная лодка класса “Полярис” использует Кубу в качестве базы”. Опубликованный 13 октября пресс-релиз Белого дома гласил: “25 сентября в ответ на ряд запросов относительно Сьенфуэгоса мы заявили, что мы внимательно следим за обстановкой. Мы заявили, что мы не уверены, что речь идет о сооружении базы обеспечения подводных лодок”.

Черту под антикубинской кампанией подвела газета “Нью-Йорк таймс” в номере от 14 октября, где говорилось: “Строительство, осуществленное кубинскими рабочими для советского военно-морского флота, включает два одноэтажных барака, которые, по оценке секретного источника, напоминают курятники, а также футбольное поле, теннисный корт и гимнастическую площадку. Насколько можно было определить, советского военно-морского персонала на берегу нет, а темпы строительства кажутся медленными”.

Выступая 14 октября 1970 г. в палате представителей, конгрессмен Миква заявил: “Нас просили принять решение относительно миллиардов долларов. Крайне огорчительно, что нас ввели в заблуждение, заверив нас, что на Кубе создана полностью оборудованная база подводных лодок... Сейчас выясняется, что это – сильное преувеличение и такой базы нет”.

В дальнейшем подобные истеричные кампании не раз провоцировались в США для того, чтобы оправдать гонку вооружений или развязывание нападения на ту или иную страну.

У всех сохранились в памяти обоснования, которые выдвигали США для развязывания международной войны против терроризма и вторжения в Афганистан после терактов 11 сентября 2001 года. К настоящему времени в ряде стран мира были опубликованы исследования, доказывающие лживость официальных американских версий о терактах. Их авторы высказывают сомнения относительно подлинности материалов о самолете, атаковавшем Пентагон. Говорилось также и об ответственности американского правительства за произошедшее. Одним из наиболее веских опровержений правительственных версий стало заключение 130 инженеров и архитекторов, собравшихся в сентябре 2007 года в Окленде (штат Калифорния). Эти специалисты высотного строительства со всей Америки пришли к выводу: “Обрушение башен Всемирного торгового центра в Нью-Йорке было профессионально подготовленным демонтажем, при котором использовалась взрывчатка, а атака самолета с террористами-смертниками таких разрушений вызвать не смогла бы”. Совещание в Окленде пришло к выводу: “Теракт мог быть срежиссирован в правительственных кругах США”.

Казалось бы, зачем США демонстрировать собственную слабость? Однако история свидетельствует о том, что уже не раз шокирующие свидетельства “уязвимости” США служили удобным предлогом для объявления чрезвычайного положения или войны. События 11 сентября позволили Бушу произвести мероприятия по мобилизации американского общества под флагом “войны против международного терроризма”.

Под лозунгом “войны против международного терроризма” в США вновь резко увеличилось производство вооружений, замедлившееся после окончания “холодной войны”, увеличились ассигнования силовым министерствам, а также учреждениям и лицам, которые прямо или косвенно их обслуживали. Если еще до 11 сентября Буш говорил об “оси зла”, в которую он включал Ирак, Иран, КНДР, Кубу, Сирию, но не сообщал о намерении напасть на эти страны, то 12 сентября Буш объявил о подготовке ударов по базам террористов в Афганистане, Судане и Алжире.

Под предлогом необходимости иметь военно-воздушные базы для осуществления своих операций США получили их в Узбекистане и Киргизии. Так реализовывался план Бжезинского по проникновению в Сердце Земли.

Однако Соединенным Штатам нужна была более широкомасштабная война, позволявшая испытать и усовершенствовать военную технику, загрузить экономику страны военными заказами. К тому же США давно стремились взять под жесткий контроль нефть стран Персидского залива. Все эти соображения привели к тому, что еще до начала нападения на Афганистан США стали нагнетать напряженность вокруг Ирака.

В начале 2004 года бывший министр финансов Пол О’Нил в своей книге приводил данные о том, что нападение на Ирак и его оккупация были задуманы вице-президентом США Чейни за шесть месяцев до 11 сентября 2001 года.

7 октября 2001 года произошла очередная бомбардировка самолетами НАТО установок ПВО в Ираке. В конце декабря в журнале "Ньюсуик" были изложены планы нападения США на Ирак, а 29 декабря Буш объявил КНДР, Иран и Ирак самыми главными врагами США.

С конца 2001 года и в течение всего 2002 года в США не прекращалась пропаганда о наличии в Ираке оружия массового поражения. Буш и члены конгресса США требовали допуска в Ирак международных инспекторов, которые должны были удостовериться в наличии или отсутствии в стране атомного оружия и иных средств массового поражения. Саддам Хусейн доказывал, что таких средств в Ираке нет. Иностранным корреспондентам в Багдаде показывали разбомбленный авиацией Израиля в 1981 году атомный центр, который использовался для выращивания шампиньонов. Когда же Саддам Хусейн заявил о готовности принять инспекторов, американцы стали настаивать на проверке абсолютно всех зданий в Ираке, включая президентские дворцы. 3 сентября 2002 г. государственный секретарь США Пауэлл потребовал, чтобы Ирак допустил инспекторов ООН без всяких предварительных условий. Ультиматум был подкреплён налетом 100 самолетов американцев и англичан, которые 5 сентября бомбили окрестности Багдада, где расположены посты ПВО. Правительство Ирака утверждало, что были разбомблены гражданские объекты. 15 сентября американцы вновь бомбили установки ПВО в Ираке.

30 сентября Ирак начал переговоры с представителем ООН Хансом Бликсом по поводу возобновления инспекций. Однако в этот же день англо-американская авиация опять бомбила ПВО Ирака. 4 октября Бликс отсрочил свой отъезд в Ирак, сославшись, что для начала инспекций нужна новая резолюция Совета безопасности ООН.

После принятия такой резолюции 18 ноября в Багдад прибыла делегация инспекторов ООН во главе с Хансом Бликсом вместе с генеральным директором МАГАТЭ Эль-Барадеи. Инспекторы заявляли, что они будут неожиданно появляться в различных местах Ирака, чтобы власти не успели перепрятать средства массового поражения. 27 ноября наблюдатели ООН выехали на первые объекты обследования в Ираке.

2 декабря 2002 г. пришло сообщение, что за 4 дня работы инспекторы ООН не нашли ничего подозрительного на 14 обследованных ими объектах. 12 декабря эксперты ООН в Ираке посетили фабрику по производству химикатов, которая была разбомблена в 1991 году. Было установлено, что теперь там производят лишь химические удобрения. В середине декабря эксперты ООН признали, что нет никаких доказательств того, что Ирак готовит атомное оружие.

10 января 2003 г. инспекторы вновь сообщили в ООН, что никакого атомного оружия в Ираке не найдено. В ответ 14 января Буш заявил, что ему "надоела ложь Саддама Хусейна" (?!). Английское правительство поддержало заявление Буша.

15 января руководство МАГАТЭ выступило за разрешение кризиса вокруг Ирака мирным путем. 16 января Ханс Бликс заявил, что никаких свидетельств наличия у Ирака оружия массового уничтожения не найдено, но у ООН еще есть 30 вопросов к Ираку. Инспекции были продолжены.

27 января Ханс Бликс выступал на Совете безопасности. Он не исключил того, что Ирак может иметь запасы бактериологического оружия, хотя инспекторы ООН ничего не обнаружили. Он жаловался на то, что ученым Ирака не дали возможности беседовать с инспекторами ООН наедине. Эти слова Бликса тут же подхватил Буш, который в своем ежегодном послании конгрессу 29 января обвинил Ирак в укрытии бактериологического оружия.

8 февраля в Ирак вернулись Бликс, Эль-Барадеи и эксперты ООН. 13 февраля Бликс объявил, что радиус действия иракских ракет на 30 километров превысил допустимые нормы. Он потребовал вывода из строя десятка иракских ракет с радиусом действия в 180 километров. 28 февраля Ирак согласился на демонтаж ракет. Но в это время уже американцы перебрасывали свою военную технику к границам Ирака.

1 марта сообщили, что Ирак уже уничтожил 5 ракет, вызвавших сомнения у Бликса. 7 марта Совет безопасности заслушал доклад Бликса. Он настаивал на том, что наблюдателям понадобится еще несколько месяцев, чтобы завершить работу, и говорил о готовности Ирака сотрудничать с ООН.

8 марта сообщили, что англо-американо-испанский проект резолюции

ставит 10-дневный срок для разоружения Ирака. 13 марта был разработан новый проект англо-американской резолюции. Теперь от Ирака требовали публичного признания наличия в стране средств массового нападения и выдачи 30 ученых, работающих в оборонной сфере. Для принятия этой резолюции в Совете безопасности американцам не хватало одного голоса.

16 марта США объявили, что “дают ООН последний шанс” на заседании Совета безопасности, которое начнется в 18.00 по московскому времени. К тому времени США не сумели собрать необходимого числа голосов для поддержки своей резолюции. Однако 17 марта проект резолюции был отозван с обсуждения Совета безопасности. 17 марта Буш потребовал, чтобы Саддам Хусейн и его сыновья покинули Ирак в течение 48 часов. В противном случае, заявил Буш, США оставляют себе свободу действий. Буш потребовал, чтобы иракцы не применяли средств массового поражения и воздержались от уничтожения нефтяных скважин.

20 марта в 5 часов 35 минут по местному времени война в Ираке началась. Лишь через 40 минут после начала военных действий выступил Буш. Он заявил, что иракские войска совершают чудовищное злодеяние против человечности, прикрываясь мирными жителями.

В дальнейшем в ходе войны и после ее окончания не раз передавали известия об обнаруженных “средствах массового поражения”, которые якобы собирался применить Ирак. Всякий раз такие сообщения вскоре опровергались. Наконец, были опубликованы сведения о том, что ЦРУ знало об отсутствии у Ирака средств массового поражения. Только тогда Буш объявил, что главная цель войны была иной – освобождение страны от власти “тирана”.

Теперь похожая история разыгрывается вокруг Ирана. Опять США требуют надежных гарантий того, что Иран не создает атомного оружия. Опять поступают сообщения о том, что ЦРУ прекрасно известно о том, что такое оружие не создается в Исламской республике. Но США вновь и вновь объявляют Иран “угрозой миру”.

Господство Соединенных Штатов привело к тому, что лживые предложения для американской экспансии не только не отвергаются значительной частью мирового сообщества, а получают активную поддержку. Известно, что в прошлом организаторы нападений на другие страны под лживым предлогом поиска средств массового поражения или в ответ на мнимый обстрел военных судов, осуществлявших провокационные действия, не раз подвергались осуждению, в том числе и с привлечением вооруженной силы. А порой такие организаторы привлекались к суду международных трибуналов над военными преступниками. Однако ничего похожего не грозит руководителям США. Вместе со своей гегемонией США навязали миру жизнь по законам лжи. Поэтому захваты других стран ради овладения американцами нефтяными месторождениями или стратегически важными позициями значительная часть современных государств послушно объявляет “войной во имя демократии” или “борьбой с терроризмом”. Эта лицемерная ложь отравляет общественное сознание и прокладывает путь к распространению американского владычества над планетой.